

ВМЕСТЕ ИНЭИНИЕМ

Ежемесячная газета Черкасского областного благотворительного
еврейского фонда „Турбота поколень – Хэсэд Дорот“

Издаётся с декабря 2000 года.

Ав/Эллул 5782

август 2022

№8 (248)

Скрипач в метро

На дворе месяц Эллул, последний месяц перед Рош-Ашана – еврейским Новым годом. Месяц, когда надо подводить итоги года уходящего. Выполнять невыполненные обещания, просить прощения, если кого-то обидели. Исправлять ошибки. Раскаиваться, если есть за что. В общем, приближаться к Вс-вышнему.

Объясняется в учении хасидизма, что в месяц Эллул всё к этому расположено. Врата Небес открыты, ангельские адвокаты защиты раскрыли книги Законов, в готовности защищать нас от обвинителей, а Вс-вышний готов принимать все наши молитвы.

Алтер Ребе – рабби Шнеур Залман из Ляд, первый Ребе Хабада – в одном из трудов привёл притчу, объясняющую сущность этих дней понагляднее. Притча про Царя в поле. Вот её краткий пересказ. Перед тем, как воцариться в стольном граде, Царь выходит в поле, где каждому человеку разрешается (и у него есть возможность) подойти лично к Царю. И Царь встречает всех с улыбкой и приветливым выражением лица. Дело в том, что когда Царь воцарится в столице, пройти к нему смогут только достойные, и только после удовлетворения ходатайства на аудиенцию, и с соблюдением протокола и церемоний, и только в тронном зале с соответствующей атмосферой. И ещё не факт, что Царь будет приветливо улыбаться. Это – Рош-Ашана и Йом-Кипур. А вот в Эллуле всё проще: Царь в поле, подходи и проси. Главное – подойти...

Но мы, в большинстве своём, люди современные и городские. Для нас отношения с царями неактуальны. Как и выходы в чисто поле...

Попробуем пересказать эту притчу на современный лад.

Январским утром 2007 года, один из лучших в мире скрипачей-виртуозов Джошуа Белл, в течение 45 минут играл на одной из самых дорогих скрипок в мире. Сыгранные им шесть произведений считаются самыми мелодичными в классической музыке. Помещение, где он играл, имело весьма неплохую акустику. Только одно но. Этим помещением была станция метро в Вашингтоне, а одет он был в джинсы, водолазка и бейсболка...

За эти 45 минут мимо него прошло более тысячи человек. Если судить по расположению станции (возле нескольких правительственных учреждений), подавляющее большинство из них были интеллигентными, образованными людьми. Но только семь человек остановились послушать его музыку, и лишь один узнал скрипача.

Большинство людей, прошедших мимо скрипача, наверняка были бы готовы заплатить большие деньги, чтобы попасть на его концерт. На тех концертах, которые он давал в те дни, были аншлаги, слушатели стояли в проходах, билеты уходили за сотню-другую долларов. Но концерт – это когда скрипач во фраке, когда сиденья из бархата, у зрителей бинокли на палочках и гардеробный номерок на пальце, а билеты – по блату.

А в метро почти все проходили мимо... На работу спешили. На „живня“...

Вот так и мы. Когда у нас Рош-Ашана, то мы в синагоге. И молитвы длинные и красивые, и шофар, и одеты в праздничное. А в Эллуле мы все спешим на работу, заняты будничными делами. И не замечаем, что Царь – он тут, прямо в метро стоит. Стань рядом, и послушай Его Музыку. Можешь даже поговорить. Даже похвалить. Или автограф попросить, если узнал Его. Или даже контрамарку. Главное, не пройти мимо...

р-н Йерахмиэль КИТНЕР.

Я – еврей. Только никому не говорите

Родившаяся 6 сентября 1921 г. в буржуазной семье бельгийских католиков-либералов, Андре Гелен ничего не знала об иудаизме и евреях. Хотя была чуткой девушкой – ещё старшеклассницей собирала продуктовые наборы для детей-беженцев из Испании, в разгар гражданской войны. Впервые о евреях 21-летняя учительница из Брюсселя узнала в 1942 г., работая на каникулах в летнем детском лагере. Её любили дети. И когда она укладывала их спать и целовала перед сном, один из них шёпотом сказал ей на ухо: „Мадемуазель Андре, я хочу вам сказать. Меня на самом деле зовут не Рене. Я – Симон. Я – еврей и прячусь. Меня родители сюда послали, но никому этого не говорите“.

Потом в Брюсселе, где она преподавала в средней школе, несколько учеников её класса пришли на урок с нашивками на одежду жёлтыми звёздами. Она велела всем ученикам надеть фартуки, чтобы скрыть звёзды, и евреи никак не выделялись бы.

Это не помогло. На следующий день еврейские ученики и их родители были арестованы и отправлены в лагерь. Начались облавы. И тогда она начала действовать. Бельгийские евреи проявили себя особым образом во время войны, а именно активным, последовательным сопротивлением и организацией спасения самих себя. В августе 1942 они создали „Комитет защиты евреев“ (CDJ), который организовал сеть укрытий для детей и взрослых. Но конечно, этого нельзя было сделать без значительной помощи бельгийцев, и особенно католической церкви и королевского двора, сыгравших в спасении тысяч евреев огромную роль.

Директор брюссельской частной школы-интерната Одиль Анри-Овар была плотно связана с CDJ и под видом учеников стала прятать еврейских детей. Андре Гелен вела в школе несколько предметов и сразу включилась в операцию, став активным членом „детского“ отдела CDJ. Она сильно рисковала: опасность лагеря и расстрела была очень велика, хотя и не столь неизбежна, как в Восточной Европе.

Весной 1943 ночью в школу ворвались эсэсовцы. Дрожащих от страха еврейских детей отправили в лагерь. Одиль Анри-Овар, её муж Анри и дочь Андре были арестованы и также отправлены в лагерь. Одиль умерла от тифа в Берген-Бельзене, Анри был убит в Заксенхаузене. Оба были потом признаны Праведниками народов мира. Андре выжила и после войны организовала фонд помощи нуждающимся детям, имени своей матери.

В ту ночь один из эсэсовцев спросил Андре Гелен: „Вам не стыдно учить еврейских детей?“ Она ответила: „А вам не стыдно воевать с еврейскими детьми?“. Обошлось. Ей велели отправляться домой. Она знала, что несколько еврейских детей отсутствовали и должны были вернуться в школу, где их уже поджидали эсэсовцы. Она стояла недалеко от школы до утра и при приближении детей сумела просиньлать об опасности, чтобы они уходили – что их и спасло.

Дальше была интенсивная и смертельно опасная работа. По словам самой Андре, „нас было с десяток женщин – евреек и неевреек, борющихся с гестапо. Нееврейки работали большей частью в поездах, и опасных местах на улицах. Я думаю, надо рассказать историю о спокойном мужестве этих женщин, рискующих всем ради спасения детей. Я была

лишь звеном в огромной цепи“.

Это не совсем так. Андре была ключевой фигурой CDJ. Она координировала связи, находила места убежищ в семьях и монастырях, организовывала переправку детей, узнавала о нуждах детей, передавала деньги. И всё это в условиях строжайшей конспирации и ежеминутного риска.

Но не только это. Она вела архив. Родители многих из детей погибли в лагерях, и дети должны были знать о них и о себе. Данные о детях, родителей, местах и датах их укрытия заносились в пять тетрадей со специальными шифрами-кодировкой. Прочитать информацию можно было, только сопоставив все пять тетрадей, но они были надёжно спрятаны в разных местах. Нацисты так и не нашли их.

Война закончилась. В 1948 г. Андре Гелен вышла замуж за юриста Шарля Гершковича – румынского еврея, чьи родители погибли в Освенциме. Он сумел пережить войну в Женеве. Их дом был открыт всем активистам антирасистских, демократических, пацифистских движений. Двое их дочерей отмечают, что родители мало говорили о войне, больше о современных политических проблемах. Живая и активнейшая участница деятельности CDJ в многочисленных интервью и фильмах восстанавливала историческую память. Её тетради были бесценны для людей и истории. Она устанавливала контакты с многочисленными спасёнными ею детьми, и те всегда помнили о своей спасительнице.

Дочь Андре вспоминает, как ещё маленькой видела входящих в дом незнакомых людей, которые, плача, бросались на шею матери. Она не скрывала в интервью, что часто испытывала страх. Были минуты, когда ей казалось, что зашедшие в поезд эсэсовцы знают о том, что дети рядом с ней – евреи. И это конец. Но снова обошлось. Она боялась, но работала.

В 1989 г. Андре Гелен-Гершкович была признана Праведником народов мира, а 18 апреля 2007 г. ей было присвоено звание почётного гражданина Израиля. На церемонии она сказала: „То, что я делала, было моим долгом. Неподчинение законам того времени было обычным делом“.

Во время войны в Бельгии было спасено 3 000 еврейских детей и 10 000 взрослых, которые укрывались преимущественно в семьях католиков и монастырях. Андре Гелен здравствует и ныне. В 2021 году ей исполнилось 100 лет. Она непосредственно участвовала в спасении около 1 000 еврейских детей. Вдумайтесь в эту цифру. ТЫСЯЧА ДЕТЕЙ!!!

Юрий ТАБАК.

Поздравляем!

Учителей, учеников и их родителей с началом
нового учебного года!

Желаем ученикам – успехов в учёбе, учителям –
творческих удач на ниве просвещения,
а родителям – терпения.

Мира и добра всем нам в наше тяжёлое время.

Кейтана в Хэсэде

Ни для кого не секрет, что лето – это самая любимая пора года для детей! Просто потому, что это время каникул, отдыха, летних лагерей, интересных встреч и новых знакомств, а также самых незабываемых приключений.

Но, к сожалению, реалии сегодняшнего дня изменили привычную жизнь не только взрослых, но и детей. Уже третье лето мы не проводим, ставшие традиционными, летние лагеря в Хэсэде и летние семейные лагеря, которые так любили и дети, и взрослые.

И вот, чтобы хоть как-то „скрыть“ наши серые будни с 18 по 29 июля Черкасский областной благотворительный еврейский фонд „Хэсэд Дорот“ при поддержке филиала Еврейского Агентства „Сохнут – Украина“ в городе Черкассы провели детский дневной лагерь „Кейтана“. Темой лагеря в этом году было: „Вокруг света за 10 дней“.

Нам очень хотелось рассказать ребятам, почему евреи живут по всему миру, как культура разных стран повлияла на культуру еврейского народа, про архитектуру и известных во всём мире евреев и, конечно же, ответить на вопрос о том, почему еврейский народ такой сплочённый и на протяжении многих лет преодолевает все трудности.

За время проведения лагеря, благодаря экскурсиям по городу, посещениям различных мест, связанных с еврейской историей, ребята лучше узнали свои родные Черкассы. Не были забыты и развлечения – кинотеатр, детский парк, роллдером. Большой интерес у детей вызвали мастер-классы в „Студии экспериментов“. На них детям показывали различные химические опыты, ребята своими руками делали светящихся „червячков“ и „цунами“.

Программа лагеря предусматривала возможность проявить себя и с творческой стороны на прикладных мастер-классах. Дети лепили фигурки из глины, создавали картины в технике „монотипия“ и лошадок из ниток и узлов.

За десять дней живого общения мы смогли создать атмосферу дружбы и взаимовыручки, участники лагеря больше узнали друг о друге и ещё крепче сдружились. Нас радует то, что мы смогли хоть на время, но дать возможность детям быть вместе.

А закончился лагерь семейным Шаббатом. Это было очень важно для организаторов, потому что в еврейской традиции всё начинается с семьи.

Мы благодарны нашим спонсорам, без которых провести лагерь было бы не возможно: Американскому объединённому распределительному комитету Джойнт, ЧОБЕФ „Хэсэд Дорот“ и Еврейскому Агентству Сохнут, которые дали возможность сделать для детей эти десять летних дней незабываемым и таким образом морально поддержать как детей, так и их родителей в нынешней ситуации.

Фоторепортаж можно посмотреть на сайте Хэсэда <http://hesed-dorot.ch.ua>.

Илона ЛЕВИТ,

руководитель „Подросткового клуба“ ЧОБЕФ „Хэсэд Дорот“.

Как изобретатель вакцины от тифа спас евреев от смерти

Учёный-паразитолог Рудольф Вайгль (польский бактериолог немецкого происхождения) помог человечеству справиться с эпидемиями сыпного тифа, за что люди ему безмерно благодарны. Но только немногие знают, что разработанная им технология производства лечебной вакцины помогла спасти жизни тысяч представителей польской и еврейской интеллигенции Львова в период оккупации нацистами.

И это, несомненно, подвиг, который по достоинству оценил мемориальный институт Яд ва-Шем, в январе 2003 года присвоивший Вайглю звание Праведника народов мира.

Рудольф родом из Моравии, где он появился на свет 2 сентября 1883 г. После гибели отца в результате дорожной аварии, его мать, Элизабет Крёзер, вышла замуж за поляка – преподавателя старшей школы Юзефа Тройнара, и семья поселилась в городе Ясло, населённом в основном этническими поляками. Позднее семья переселилась во Львов, где в 1907 г. Рудольф окончил биологический факультет университета Яна Казимира, где его наставниками были профессор Бенедикт Дыбовский (1833-1930) и И. Нусбаум-Гиларович (1859-1917).

После окончания университета, его пригласил к себе ассистентом известный биолог Иосиф Нуссбаум-Гиларович. К 30 годам Вайгль уже стал приват-доцентом, что, несомненно, было показателем его серьёзных возможностей.

С началом Первой мировой войны научная работа молодого учёного получила новое направление. В качестве паразитолога он был отправлен в Пшемысль, где работала лаборатория, изучавшая возможности борьбы против сыпного тифа. Тогда эта болезнь уносила миллионы жизней, а надёжного средства борьбы с ней в мире просто не существовало. Мало того, от этого недуга умер даже сам первооткрыватель микроорганизма, вызывающего сыпной тиф, биолог Станислав Провачек.

К сожалению, за годы войны ничего существенного медицинская наука в этом направлении предложить не смогла. Дело сдвинулось лишь в 1920-х годах благодаря стараниям Вайгля. Тогда он получил должность профессора биологии в родном для себя Университете Яна Казимира, основав под его эгидой вирусологический институт, одним из направлений которого были проблемы сыпного тифа. Требовалась анти tifозная вакцина, для производства которой необходимо было применить все известные сведения о микроорганизме, вызывающем болезнь.

Естественно, проблем было много. Сам микроорганизм, риккетсия Провачека, категорически отказывался жить вне организма-носителя. Но и не всякий носитель подходил для нормального функционирования риккетсий: обычные лабораторные животные категорически для этого не подходили. Правда, хорошо было известно, что основным переносчиком болезни является платяная вошь, поэтому Вайгль пошёл на то, чтобы выращивать риккетсии прямо в их кишечнике, который идеально подходил для размножения микроорганизма.

Новые трудности возникали буквально на каждом следующем шаге. Требовалось разработать способ заражения вши бактерией, подобрать подходящую кровь и многое другое. Вайгль смог преодолеть эти трудности. Он первым начал кормить вшей собственной кровью, для чего разработал специальную деревянную коробочку, в которой размещались несколько сот личинок паразитов. Они через мелкую сетку спокойно сосали кровь донора, однако самостоятельно выбраться наружу не могли. К подобному „кормлению“ очень скоро приобщились все сотрудники вирусологического института и даже жена учёного.

Уже к началу 1930-х технология выработки противотифозной вакцины была отработана, и началось её мелкосерийное производство. Лечебному средству сразу же нашлось применение. В Китае вспыхнула эпидемия тифа, и новая вакцина помогла её ликвидировать. Параллельно она отправлялась в Африку, где тоже успешно применялась.

(окончание на стр.2)

Как изобретатель вакцины от тифа спас евреев от смерти

(Окончание. Начало стр. 1)

За заслуги перед человечеством Вайгля представили к награждению бельгийским орденом Короля Леопольда, орденом Святого Георгия от Папы Римского Пия XI. Его назвали почётным академиком научного сообщества США и Бельгии. Сам же институт Вайгля получил общемировую известность.

Но спокойную и размеренную научную жизнь института вновь разрушила война. После того как Львов на короткое время стал советским городом, в него в 1941 вошли германские войска. Оставшийся в городе институт стал полностью контролироваться оккупационной властью, первым требованием которой стало подчинение работы заведения нуждам вермахта. Сотрудников обязали начать выработку противотифозной вакцины в промышленных масштабах, чтобы обеспечить её поставки в войска. Как урождённый австриец, а значит фольксдойче, Вайгель имел определённую степень свободы. В качестве условия сотрудниче-

ства он затребовал свободы в подборе персонала, которая и была ему предоставлена.

Известно, что в первые дни после оккупации вермахтом Львова, по нему прокатились волны польских и еврейских погромов, в результате которых пострадали и погибли тысячи людей. Как правило, это была научная и культурная элита города. Вайгель дал шанс выжить оставшимся после погромов людям. Представителям львовской интеллигенции выдавались удостоверения сотрудников института, после чего их запрещалось под любыми предлогами арестовывать или подвергать иным репрессивным воздействиям. А учитывая, что для нужд вермахта требовалось очень большое количество вакцины, то количество задействованных в её производстве людей исчислялось тысячами.

Кроме того, часть выработанной в институте вакцины работники института ухитрились переправлять во Львовское и даже Варшавское гетто. Это помогло избежать в них масштабных вспышек смертельной болезни, за что про-

фессор Рудольф Вайгель стал для заключённых там людей символом доброты. У института была налажена связь и с партизанами, которым также переправлялась часть изготовленной вакцины. Так продолжалось вплоть до 1944 года.

Когда ко Львову подошли советские войска, германские власти эвакуировали институт Вайгля в центральные районы оккупированной имми Польши, а самому учёному предложили место в Кракове. Здесь он и дождался прихода советских войск. После освобождения Польши и окончания войны местом работы Вайгля стала Познань, где в местном университете он проработал ещё несколько лет, пока в 1951 году не вышел на пенсию. После этого учёный прожил ещё шесть лет, пока в 1957 не ушёл из жизни.

Интересно, что заслуги Вайгля перед наукой и человечеством не были отмечены Нобелевской премией, хотя его дважды номинировали на неё. В 1942 этому воспротивились немцы, а несколько лет спустя, в 1948, уже новые влас-

ти Польши. Зато в 2003 году в Израиле ему присуждено звание Праведника народов мира, а это дорогого стоит.

Марина СЛИВИНА.

Ян Арлазоров смешил людей, и зрители относились к нему по-своему: весёлый мужик! А за маской веселья скрывалась драма, достойная пера Шекспира.

Ян (имя при рождении – Яков Маерович, Маерович Шульруффер) Арлазоров родился 26 августа 1947 г. в семье интеллигентов, которых и боготворил, и стеснялся одновременно – ведь деньги-то он зарабатывал на юмористических монологах от лица человека из народа. Однако к народу он был близок лишь по

духу, но не по образу мыслей и достатку.

Отец – Меер Шмульевич Шульруффер (17.09.1923 – 09.11.2012) – уроженец еврейской земледельческой колонии Новополювка (село в Новобугском районе Николаевской области Украины), адвокат, участник Великой Отечественной войны (лейтенант медицинской службы, начальник медицинского снабжения 12-го отдельного медсанбата 1-й гвардейской воздушно-десантной дивизии). Мать – Раиса Яковлевна Арлазорова (21.06.1923 – 14.03.1998) – врач-хирург, родом из Харькова. Младший брат – Леонид Маерович Шульруффер (род. 8 марта 1956) – кандидат технических наук, выпускник РГУ нефти и газа (1977).

Родители Яна, родом с Украины, обосновались в Москве, но по-прежнему любили добротную украинскую кухню. Потому Яничик рос очень пухлым мальшом, да к тому же стеснительным. Отец однажды посмотрел на внушительный животик сына и решил, что тому нужно «работать над физическим совершенствованием» и Яничик был записан в секцию борьбы. От идеи дважды в неделю получать туммак мальчик сначала раслакался, а затем призвал на помощь свою смекалку. Он честно доходил до клуба, переодевался, шёл в душ, мочил плавки, убирал их в сумку и шёл гулять положенные два часа по столице, накупил с собой пирожков с повидлом. Не видя результатов, отец сына за руку и привёл к тренеру: «Если вы хорошо работаете, почему мой сын такой толстый?!» Тренер развёл руками: «Этого мальчика в первый раз вижу, он у нас не занимается!» Конечно, Яничик досталось на орехи, зато с боевыми искусствами было покончено.

Мать Яничика Раиса Яковлевна была потрясающе красивой и волевой женщиной и при этом имела сложную профессию – хирург. Её боготворили все: и сослуживцы, и знакомые, и особенно трое самых родных мужчин – Ян, его брат Леонид и отец Маер Самойлович. Но для Яничика Раиса Яковлевна стала не просто любимым человеком идеалом женщины. Он даже взял её фамилию – Арлазорова, которую и прославил.

Наверное, пошёл бы по её стопам и сделал отличную медицинскую карьеру, но этому помешал двоюродный дед, который служил актёром в Театре Вахтангова. Ему удалось настолько увлечь Яничика сценой, что тот поступил в Щукинское театральное училище. Там он встретил свою любовь – однокурсницу актрису Еллу Санько, впоследствии известную как пани Ванда из «Кабачка 13 стульев».

Яничик потерял голову – не ел, не спал, всё думал о неприступной красавице Еле. Наконец, он откинул прочь все комплексы и принял за неё ухаживать. «Зачем тебе девушка, которую назвали в честь новгородной ёлки?» – отговаривала его мать. Но в первый и в последний раз в жизни Яничик пошёл против родительской воли и позже пожалел об этом. На его предложение руки и сердца красавица Елла ответила согласием.

После учёбы сыграли свадьбу. Елла была весьма романтичной девушкой и любила «напустить туману». Уговорила знакомых всюду рассказывать, будто бы она сбегала прямо из-под венца с известным режиссёром, который обещал её снять в своём фильме, но оказался подлецом. Тогда она якобы вернулась к страдающему Яну, он всё простил, и они поженились. Увы, в их семейной личной жизни всё оказалось не менее драматично.

Жили молодые сначала в квартире родителей Арлазоровых, а потом переехали в «однушку». Елла хотела домашнего уюта, расширения жилплощади, чтобы муж обеспечивал семью, особенно после рождения дочери Алёны. А Яну было не до бытовых мелочей: он разочаровался в актёрской профессии и пытался найти себя в

Ян Арлазоров

чём-то другом. Елла стремилась к лидерству в семье, сама много работала. Она не раз упрекала Яна за нежелание искать славы и денег. Ссоры стали для Арлазоровых привычным делом.

Говорят, Яну не хотелось вечером идти домой. Однажды он и не пошёл, завернул «налево». От супруги измену скрывать не стал. Елла, конечно, не простила – собрала чемодан и вместе с дочкой ушла куда глаза глядят. Но близкие друзья называют истинной виновницей разрыва мать Яничика, Раису Яковлевну. Мол, у них с Елой отношения с первого дня не заладились. Делить сына с другой женщиной Раиса Яковлевна не хотела. Во время очередной ссоры терпение Еллы лопнуло, и она заявила Яну: выбирай. Ян Арлазоров встал на сторону матери.

Помня обиду на Яна, женщина поклялась, что дочь он не увидит никогда. И слово своё сдержала. И всё же Ян искал жену и дочь, обзванивал знакомых, объезжал вокзалы.

Видя, как страдает сын, смягчилась даже Раиса Яковлевна. Но Елле было уже не вернуть. Стоило Яну нащупать ниточку, ведущую к дочери, как Елла переезжала в другой город. Время, как известно, затягивает раны, даже самые глубокие. Сходиться с новыми людьми, особенно женщинами, для стеснительного Яничика всегда было сложно. Арлазоров смирился с судьбой вечного холостяка.

В интервью журналистам пояснил свою позицию так: «Для меня пример настоящей женщины и жены – это моя мама. Сейчас таких нет. Встречаешь женщину – и ей сразу надо купить какой-нибудь «Лексус», квартиру, потом яхту и остров. Любовь – это Божье чувство, оно перерабатывает человека. Никто не знает, когда оно придёт...» До последних дней своей жизни Арлазоров ждал сначала прихода любви, потом прощения от Еллы и дочери.

Крах в личной семейной жизни приводит к взлёту карьеры – это верная примета для актёров. Ян Арлазоров нашёл себя не в кино и театре, а на эстраде. Он стал мастером пародии. Часто свои монологи писал сам. Путь на большую сцену начинающему пародисту проложил сам Утёсов.

В 1978 году Леонид Осипович был гостем вечера Ростислава Плятта в Доме актёра. Выступление Арлазорова ему так понравилось, что он подошёл и сказал: «Вы – золотой мальчик, позвоните мне!» Сам Арлазоров вспоминал: «Звонить я не стал, да и телефон у меня не было. Но через какое-то время он позвонил сам, и я пришёл к нему домой. Для меня это был урок интеллигентности на всю жизнь. Он ни разу не показал мне, что он – Утёсов, а я – какой-то мальчик».

Это такой уровень артиста, когда для самоутверждения не нужны охранники и «Мерседесы». Леонид Осипович отправил меня на конкурс артистов эстрады, где председателем жюри был Аркадий Райкин. Он сказал: «Райкин неподкупный. Ты пройдёшь, если чего-то стоишь». На этом конкурсе я стал лауреатом. Для эстрадных артистов это было высшее звание».

Удивительно, но на сцене этот скромный и грустный человек раскрывался, становился буквально неузнаваемым. Его коронные «Эй, мужик!» и «Господи!» знакомы каждому зрителю. Кстати, крылатая фраза: «Мужик, ты сам-то понял, чего сказал?» впервые была произнесена пародистом дома во время просмотра по телевизору выступления Брежнева. Потом перекочевала в его монологах.

Обаятельный, остроумный, иногда чрезвычайно дерзкий, Арлазоров стал первым пародистом, работающим со зрительным залом. Во время своих выступлений он импровизировал, вытаскивая случайных зрителей на сцену. До него никто так не делал, все читали со сцены выученный текст. А вдруг что-то пойдёт не так? Но у Арлазорова всегда всё получалось, так».

У него была мгновенная реакция и изумительное чувство юмора, которые выручали его всегда. «Здесь интересен именно момент непредсказуемости от соприкосновения со зрителем. Импровизировать и держать внимание, например, двухтысячного зала стоит огромных сил, напряжение колоссальное, рубашка всегда мокрая», – рассказывал в интервью Арлазоров.

Словом, он и в пародии оставался верным своему призванию – был актёром. И народ признал его своим, на концертах Арлазорова начались аншлаги. Коллеги по эстраде поздравляли у Арлазорова его главный приём: теперь каждый стал вытаскивать зрителей на сцену. Ян только смеялся над этим: «Не понимают, что это уже устарело. Это было интересно раньше, когда зритель был официальный, зашоренный. А сегодняшнему раскомплексованному потребителю что крикнуть, что пукнуть... Значит, нужно искать, придумать что-то другое».

Парадоксально: Яна любили тысячи, миллионы зрителей, а он всегда был один. Коллеги его недолюбливали: слишком горделив, заносчив, может нахамить в лицо. Он тоже не отвечал им взаимностью: «Наш жанр убивается теми, кто причащает зрителя к примитиву. Раньше были какие-то «смотрящие за планкой» люди, которые задавали уровень: Утёсов, Гердт, Плятт, Дудник... Теперь же смотреть за этим уже практически некому. А ведь эстрада изначально – искусство...»

Даже друзей у Арлазорова не было. Он часто сетовал: «Сейчас есть понятия «банк», «кредит», «партнёр», а понятия «друг», мне кажется, больше нет. Раньше были люди, которые могли спасти друга ценой собственной жизни. Я воспитан своим отцом, поэтому знаю, о чём говорю. И я привык приходить на помощь, не думая о себе, готов отдать последнюю рубашку».

Но сейчас редко встретишь людей, которые готовы поступить так же. Конечно, у меня есть приятные знакомые, с которыми я общаюсь. Но чтобы ко мне приходили, чтобы я принял гостей – такого нет».

Приходить на помощь Ян Маерович действительно умел – это не просто высокие слова. Доказательство тому – его радио-передача «Народная скорая помощь». Звонит пенсионер – с его «Запорожца» сняли колёса, ехать в больницу не на чем. Арлазоров объявляет в эфире адрес, и у дома пожилого человека вырастают гряда колёс! Спасибо добрым людям – откликнулись. Так же было с оплатой срочных операций детям, посещение одиноких людей в доме престарелых. Даже ансамблю начинающей Надежды Бабкиной с инструментами, на которые не было денег, Арлазоров помог! Услышав по радио клич Яна Маеровича, люди несли свои баяны, дудочки, флейты... Арлазоров восхищался: «Это своего рода национальная идея, понимаете? Вот это неравнодушные к чужому горю – для меня самое важное и самое дорогое».

Арлазоров ни разу не упрекнул свою мать, что по её вине потерял семью, остался без личной жизни. «Береги свою маму, потому что роднее человека в твоей жизни нет, и не будет!» – часто повторял он знакомым. Когда Раиса Яковлевна заболела, для Яна настали чёрные дни. Он сидел с ума, придумывая, что ещё можно сделать для матери. Возил её на консультации к самым разным специалистам, устраивал в дорогие клиники, доставал редкие лекарства. Он забросил работу, отменил все гастроли. Часами сидел у её постели, говорил с ней, читал книги и газеты. Пока мать лежала в больнице, Ян решил приготовить для неё сюрприз: сделал ремонт в квартире и купил новую мебель. Переступив порог, Раиса Яковлевна заметила: «Всё белое, как в больнице...» И Ян сразу всё переделал. Торопил строителей с дачей – хотел, чтобы мама побыла на свежем воздухе...»

Раиса Яковлевна умерла у него на руках. Трое взрослых мужиков – Ян, его брат и их отец – заперлись в квартире и целые сутки плакали навзрыд. После трагедии здоровье Маера Самойловича тоже сильно пошатнулось. Теперь Ян поддерживал его, даже за компанию лёг с ним в больницу. Но отец пережил сына. В больнице у Яна обнаружили опухоль... Арлазорова в срочном порядке прооперировали. К сожалению, болезнь не отступила. Артист никогда никому о ней не говорил. Выписался из больницы, вернулся к работе. Медики умоляли его отказаться от концертов, но он выходил на сцену, несмотря на боль. Улыбка на лице и фирменное: «Эй, мужик!». Арлазоров всегда отличался поразительной работоспособностью, однако недуг брал своё. Общение со зрителем отнимало столько энергии, что актёр таял на глазах.

Единственным спасением тех нелёгких месяцев для Арлазорова стала йога. Он уходил в себя, в какой-то иной мир. Наверное, там он был счастлив. Вопреки здравому смыслу Ян отправился на фестиваль в Юрмалу и даже прошёл по сцене на руках. Потом оправдывался перед врачами: «Мне надо было доказать зрителю, что я в прекрасной форме».

В октябре 2007 года артист решил отметить свое 60-летие на сцене Театра эстрады. Весь вечер Арлазоров читал монологах, шутил, принимал поздравления. А вскоре его состояние резко ухудшилось – сил на борьбу с раком не осталось. Друзья по «Аншлагу» предлагали ему помощь с организацией лечения в дорогой израильской клинике. Ян отказался.

Он отправился к целителям, до последнего надеялся, что у него ещё есть время, но ошибся... Незадолго до смерти Ян Арлазоров постоянно повторял: «Мама, возьми меня к себе. Мне очень больно жить». Похоронили артиста 11 марта 2009 года на Востряковском кладбище Москвы рядом с мамой. Как он и хотел...

По материалам сайтов Интернета.

Кто из нас не видел бетонные заборы с ромбами, которыми обычно огораживают стройки и промзоны? А вы знаете, что их автор – архитектор Борис Лахман, который уже много лет живёт в США. Своё самое узнаваемое детище он создал в 1970-е годы. «Я сделал три эскиза, все очень симпатичные. Например, был забор, имитирующий каменную кладку. Но почему-то выбрали самый простой. Может, глаз радовала эта игра света и тени? Может, понравилось, что форма самоочищающаяся, что пыль и грязь дождями смываются?.. За дизайн я получил на ВДНХ бронзовую медаль. А к ней полагалось 50 рублей. Деньги-то выдали сразу, а вот сама награда нашла меня уже спустя 10 лет в Америке» – вспоминал Борис Лахман.

Самое раннее упоминание о ханукальном блюде из теста встречается у раби Маймона Бен-Иосефа, отца Рамбама, который жил в 12 веке. Оказывается, и в его времена были те, кто не одобрял это лакомство.

Раби Маймон писал: «Не следует пренебрегать традицией есть суфганим (жаренные оладьи) на Хануку. Это обычай Кадмоним (древних)».

Оладьи, о которых говорит раби Маймон Бен-Иосеф, были сладкими блинчиками в сиропе, известными как свингос на арабском, бимузлос на ладино и залабия на фарси. Можно сказать, что они были предшественниками современных суфганиет.

Евреи – прародители темнокожего джаза?

Легенда гласит, что джаз родился в Новом Орлеане и его родителями называют темнокожих музыкантов. Но если вы полистаете американский музыкальный справочник, то убедитесь в том, что не только они стояли у его колыбели: добрая половина звезд раннего джаза были выходцами из черты оседлости Российской империи или же их потомками.

В конце 19 века по России прокатилась волна погромов, и около 2 млн. евреев покинули неприступную родину. Куда только не заносила эмигрантов их горестная судьба: в Канаду, Южную Африку, Палестину, но большинство всё-таки мечтало оказаться в Америке. Так попали в Новый Свет будущие родители Якоба Гершовича, которого весь мир знает как Джорджа Гершвина. Он появился на свет 26 сентября 1898 г. в Бруклине у четы Мойше и Розы Гершовичей. Его отец, Мойше Гершович, переехал в Бруклин в начале 1890-х годов. Мать, Роза Бруштина, несколькими годами ранее. Гершвин – внук петербургского мастера меховых изделий Бруштина, переехавшего в 1892 г. с женой и дочерью в США. Джордж был вторым ребёнком в семье (всего детей было четверо). Мойше был добрым и спокойным человеком. Мягкий как воск, он бесконечно любил красавицу жену и хотел чтобы она была довольна и счастлива, а семья не знала нужды. Он перепробовал множество профессий, но был непрacticным мечтателем, шолом-алеихемским человеком воздуха, и деньги у него текли сквозь пальцы как вода. Полновластной главой семьи была мать, она твёрдой рукой вела семью сквозь все трудности и бури нелегкой жизни.

Жили не богато, но и не бедствовали. В доме было даже фортепьяно. Его купили не шумному и подвижному Джорджу, проводившему всё свободное время на улице, а тихому и послушному старшему брату Айре. Джордж заинтересовался музыкой, услышав игру на школьном концерте еврейского вундеркинда Макса Розенцвейга. Его игра потрясла мальчика, и он сам страстно захотел заниматься музыкой. Судьба свела Джорджа с талантливым учителем Чарльзом Хамбитцером, моментально оценившим его редкий талант. „Мальчик – гениален никаких сомнений; он сходит с ума от музыки и не может дождаться следующего урока. Время не существует для него, когда он играет”.

Музыка Америки всегда была огромным плавильным котлом, в который все живущие на новой родине добавляли свои мелодии. Воздух её улиц был наполнен музыкой марширующих духовых оркестров, королевскими мелодиями, клезмерскими мотивами, ариями итальянских опер и негритянским церковным пением.

„Я слушал не только ушами, я слушал нервами, умом и сердцем, слушал с таким увлечением, что буквально пропитывался музыкой. Музыка звучала в моём воображении. Я садился за фортепиано и повторял услышанное”, – описывал свои чувства Джордж. И в 15 лет бросив школу, решил связать свою жизнь с музыкой.

Карьера Гершвина началась на знаменитой музыкальной 28-й улице Нью-Йорка, прозванной Тин-Пэн Элли, что в переводе значит „Аллея лужёной посуды”. Тин-Пэн Элли была буквально нафарширована нотными изданиями и магазинами. Звуки инструментов неслись из всех окон, создавая немислимую какофонию. Кто-то сравнил эти звуки с огромной кухней, где хозяйки всё время гремят сковородками и жестяными кастролями. Название быстро прижилось и словечко „Тин-Пэн-Элли” вошло в обиход как символ американской песенной „кухни”.

В один прекрасный день 15-летний Джордж, сел играть на рояле перед менеджером музыкального издательства „Ремик и К” и был принят на должность плагера. Плагер – это пианист, который торгует песнями. Он наигрывает их на пианино для покупателей, подбирает репертуар исполнителям, и создает успех „своими” песнями, навистывая и напевая их в людных местах города. Эта должность была весьма скромной, но никто из педагогов не смог бы научить Джорджа тому, чему он учился сам, торгуя песнями: он научился понимать, как на кухне Тин-Пэн-Элли „варится успех”.

Талантливый, красивый, всегда улыбающийся, энергичный и остроумный, Джордж скоро стал заметной фигурой на Аллее лужёной посуды. Скоро ему самому захотелось сочинять шедевры.

Летом 1916 г. популярная молодая звезда София Гукер впервые исполнила на Бродвее песенку 18-летнего композитора „Я становлюсь девушкой”. Гершвин описывал это события со свойственным ему юмором: „Всю ночь я не смыкал глаз. Я мысленно спел „Я становлюсь девушкой” двести раз, каждый раз находя в ней всё новые перлы. Устал я смертельно. Под утро я возненавидел эту мерзкую песенку, убеждённый в её крошечной бездарности”.

Настоящая слава пришла, когда популярный еврейский певец Эл. Джалсон спел его песню Swanee. Вся Америка точно помешалась на ней. За год было продано более двух миллионов пластинок и свыше миллиона экзemplяров нот.

Так началась его музыкальная карьера. Джордж Гершвин написал около 300 песен и постоянным соавтором стал его старший брат Айра. Едва ли можно найти столь не похожих друг на друга людей как братья Гершвины. Джордж – заводной, шумный, общительный и нервный, он весь – движение, всегда окружен друзьями, всегда в центре событий. Айра – уравновешен и спокоен. Блажен-

но растянувшись на диване, не спеша, выкуривая одну сигару за другой, мог не выходить из дома по несколько дней, наслаждаясь покоем и тишиной. О его медлительности ходили анекдоты: „Сегодня мне предстоит поменять ленту в пишущей машинке, жаловался Айра брату, а это считай, что весь день пропал”.

Джордж был общепризнанным светским львом и почитаемым женских сердец. Его романы с первыми красавицами Америки заполняли колонки светской хроники. Айра же в отношениях с женщинами просто поражал своей наивностью. Его счастливый, долгий и единственный брак не состоялся бы никогда, если бы девушка, в которую он был молчаливо влюблен много лет, не выдержала и сама, наконец, не предложила ему руку и сердце.

Джордж – идеалист, витающий в облаках, он жил с сознанием своей высокой миссии художника, был одержим музыкой и мог работать где угодно, когда угодно и сколько угодно. Айра, в отличие от брата, обладал холодным, расчётливым умом и был реалистом, твёрдо стоящим обеими ногами на земле. В одном, пожалуй, Джордж и Айра были схожи – и тот и другой стремились достичь в своём деле настоящего мастерства.

Годы „восхождения” молодого композитора совпали с окончанием Первой мировой войны и началом джазовой экспансии, и Гершвин был одним из первых композиторов, кто по-настоящему понял его возможности. Двадцатые годы в Америке называют „веком джаза”. Чикаго и Нью-Йорк стали столицами новой музыки. Пластики Луи Армстронга, Дюка Эллингтона, Пола Уайтмана расходились миллионными тиражами, а в клубах и танцзалах, где они играли, яблоку негде было упасть. Радио принесло джаз в каждый дом и, естественно, это не могло пройти мимо Джорджа Гершвина.

В 1924 г. Америка отмечала 100-летний юбилей Авраама Линкольна и Полю Уайтмену, руководителю одного из самых больших белых оркестров, предложили выступить на концерте, посвящённом этой дате. Уайтмену хотелось сыграть что-то новое, не звучащее на эстраде. Он попросил Гершвина написать музыку специально для этого выступления. Джордж согласился и мгновенно забил об этом. Каково же было его удивление, когда за месяц до концерта он прочёл в „Нью-Йорк таймс”, что знаменитый композитор Джордж Гершвин пишет для Пола Уайтмена новое произведение, которое обещает быть шедевром.

Гершвин схватился за голову, однако нужно было срочно что-то делать. Вначале он хотел ограничиться простым коротеньким блюзом, но, вспоминает Джордж Гершвин, „внезапно мне пришла в голову идея. Так много все болтали об ограниченности джаза, что я решил разбить одним ударом эту ошибочную концепцию. Вдохновлённый этой целью, я принялся писать с непривычной скоростью. У меня не было ни плана, ни структуры. Я слышал рапсодию как музыкальный калейдоскоп Америки – наш кипящий котёл, нашу многонациональную энергию, наши блюзы, нашу столичную суету”.

С 7 января по 4 февраля 1924 г. гостеприимная, шумная, всегда полная друзей, квартира Гершвина закрыла двери для всех посетителей. Всюду – на рояле, на столе и на полу были разбросаны нотные листы.

Работали так: Гершвин писал клавиру рапсодии для двух фортепиано, оставляя пустые строчки для импровизаций пианиста. Как только лист заполнялся, его брал аранжировщик и оркестровал музыку для джазового состава. Затем ноты поступали к Полю Уайтмену, и он начинал репетицию с оркестром. Своё детище Гершвин назвал „Рапсодия в стиле блюз”. Слово Blue по-английски, означает не только „синий” или „голубой”, но и „хандра, печаль и блюз”. Так что получается нечто вроде „Рапсодия в грусти”, „Голубая Рапсодия” или „Рапсодия в стиле блюз”. Премьера состоялась 12 февраля 1924 г., и эта дата стала поворотной в жизни и музыкальной карьере Джорджа Гершвина.

„Те, кто хоть раз слышал Гершвина в „Рапсодии в стиле блюз”, тот никогда этого не забудет. Разлетавшийся по залу блиск, виртуозность и точность ритма в его игре были невероятными. Он „заводил” оркестр и публику, буквально „сдвигая их с места” и это просто „наэлектризовывало воздух”, писали об этом концерте современники.

Гершвин проснулся знаменитым, и его слава вскоре достигла Европы. „Рапсодию” играют в Париже, в Лондоне, где Гершвина ждал настоящий триумф. Высокий, красивый, обладавший безупречными манерами, остроумный Джордж был нарастав. В его честь дают обеды и приёмы, а будущий король Георг V дарит ему свой портрет с надписью „Джорджу от Джорджа”.

Вместе со славой пришёл и достаток. В 1925 г. Айра и Джордж покупают пятиэтажный дом на 103-й улице Нью-Йорка, куда и переезжают всё многочисленное семейство Гершвиных.

В 1928 г. Гершвин вновь гастролирует по Европе. Лондон, Вена и, наконец, Париж. Этот город в те годы был магнитом для разноплеменной богемы, слетавшей туда со всего света. Но не только феерический расцвет искусства в 20-е годы привлекал американцев. Европа за время войны обнищала, и на полновесные доллары можно было жить припеваючи.

Из Парижа Гершвин привозит замысел „Американца в Париже”. Премьера, которого состоялась 13 декабря 1928 г. в Нью-Йорке, и

вскоре „Американец” вошёл в постоянный репертуар многих джазовых и классических оркестров мира.

В 1933 г. 30-летний Джордж Гершвин на вершине славы, у него солидный годовой доход, его имя гремит по обе стороны океана, им написано множество популярных песен и поставленных на Бродвее мюзиклов.

Джордж перебирается из семейного дома в новую двухэтажную квартиру, состоящую из 14-ти жилых комнат, гимнастического зала, зала для приёмов и английского сада. Квартира была элегантно и респектабельно, интерьер и мебель проектировались по эскизам лучших американских декораторов. У композитора еженедельно собирались близкие друзья, время и день могли меняться, но содержание никогда – главными действующими лицами этих встреч были только он и его музыка, и не было

на свете более счастливого человека, чем Джордж Гершвин.

Следующий 1934 был для Гершвина годом невероятной активности. Он начался с турне по Америке, в котором за 29 дней было дано 28 концертов. Гершвина приглашают на радио, и теперь каждый понедельник и пятницу блистательный ведущий выходит в эфир. Джордж загружен по уши и просто не понятно, как среди этой массы дел он находит время и силы для работы над своим самым знаменитым и значительным произведением – оперой „Порги и Бесс”.

Началась эта история в середине 20-х, когда Гершвин прочёл книгу Хэйворда „Порги и Бесс”. Колоритный быт чернокожего населения американского юга, история любви калеки Порги и красавицы Бесс, нежность и страсть, предательство и верность, любовь и измена. О таком сюжете для оперы, можно было только мечтать. Прошло много лет, и Гершвин вернулся к идее написать оперу по понравившейся книге.

В июне 1934 Джордж Гершвин вместе с кузеном Гарри Боткин, отправились для сбора материала на остров Фолли-Айленд. В рыбацкой деревушке друзья жили настоящими дикарями. В маленьком деревянном домике были две железные кровати, таз для умывания и старенькое пианино. Гершвин забыл о своих щегольских привычках, ходил полуголый в shorts и сандалиях, отстрил бороду, был весел и счастлив. Собирая музыкальный материал для оперы, он облазил весь остров вдоль и поперёк, пропавая на плантации, в местных церквях и лавках. В конце лета Джордж и Гарри возвращаются в Нью-Йорк. Полтора года продолжалась работа над „Порги” и всё это время Гершвин жил с уверенностью, что опера будет лучшей его работой. На последней странице рукописи значится дата: 23 августа 1935 г.

„Метрополитен-опера” предложила контракт на постановку оперы, но Гершвин отказался – темнокожие певцы не допускались на эту сцену, а композитор не мыслит себе других исполнителей. Оперу поставили в Бостоне. Премьера состоялась 30 ноября 1935. Публика приняла оперу с огромным энтузиазмом. Газеты после премьеры писали, что никогда прежде американская музыка не сверкала таким разнообразием народных интонаций. Блюзы, спиричуэлс, духовные гимны, элементы джаза и классика сливались в одну упитательную музыкальную ткань. Вслед за Бостоном опера была поставлена в Нью-Йорке, Филадельфии, Питтсбурге, Чикаго, Детройте и в Вашингтоне.

Но вскоре переутомление дало себя знать. Гершвина начали мучить головные боли и бессонница, он стал раздражительным и вспыльчивым. Врачи отправляют его отдохнуть в Мексику, но непонятная болезнь продолжала подтачивать его здоровье, ему становилось все хуже и хуже, и однажды он потерял сознание на концерте. Джорджа помещают в клинику. 8 июля врачи убедились в том, что перед ними тяжёлый случай рака мозга. Предстояла серьёзная операция. Знаменитый нейрохирург Денди был в отпуске. По распоряжению правительства два эсминца разыскали в океане его яхту и доставили профессора в клинику, где находился Гершвин. Операция не внесла изменений в положение больного.

11 июля 1937 г. Джордж Гершвин в возрасте 38 лет скончался.

„Многие композиторы ходили вокруг джаза, как коты вокруг тарелки с горячим супом, ожидая пока он остынет, чтобы насладиться им, не опасаясь обжечь языки, поскольку они привыкли к тепловой, дистиллированной жидкости, приготовленной поварами классической школы. Леди Джаз, украшенная интригующими ритмами, шла танцующей походкой через весь мир, вплоть до эскимосов на Севере и полинезийцев на Южных островах. Но нигде ей не встретился рыцарь, который ввёл бы её как уважаемую гостью в высшее музыкальное общество. Джордж Гершвин совершил это чудо. Он смело одел эту крайне независимую и современную леди в классические одежды концерта и до сих пор многие поколения музыкантов и слушателей наслаждаются музыкой великого композитора Джорджа Гершвина”, – дирижёр Уолтер Дамрош.

Юлия КОРОЛЬКОВА.

Еврейская история Оксфорда

Каждая из основных отраслей науки обладает собственным центром. К примеру, для программирования – это „Силиконовая долина”, для математиков – Гарвард. А вот еврейскую историю углублённо изучают в Оксфорде. Именно здесь основали Центры гебраистики и еврейских исследований, изучения идишской культуры, Европейскую ассоциацию изучения еврейской истории и т.д.

Нынешний Оксфорд представляет собой современный город, имеющий богатую архитектуру и культурную историю. Местные власти берегут славные традиции развития образования и науки, которые формировались здесь веками. Начало истории этого знаменитого города напоминает мистическое сплетение легенд с реальными фактами. Приблизительно в 700 году саксонской принцессой-монахиней был основан монастырь, ставший первым городским строением.

В 912 году Оксфорд в первый раз упомянули в „Англо-саксонской хронике”, являющейся древнейшим памятником английской письменной культуры. Во второй половине XIII ст. основали колледжи Мертон, Университетский, Баллиол, с которых, собственно, и началось развитие университетского образования.

Евреи поселились в Оксфорде практически с самого его основания. Однако в 1290 при короле Эдуарде I был издан Эдикт об изгнании, согласно которому все иудеи под страхом смерти должны были покинуть королевство. По прошествии 365 лет данный указ отменил Оливер Кромвель. После этого евреи смогли возвратиться в большие города.

Есть сведения, что первым евреем, приехавшим во второй половине XVI века в Оксфорд из Польши и поселившимся там, был Филипп Фердинанд. Он получил отличное образование, а также первым из нехристиан стал обладать университетскими привилегиями. Впоследствии профессор еврейского языка Филипп Фердинанд продолжил преподавательскую деятельность

в Кембридже.

С того времени еврейская община Оксфорда существенно увеличилась. В настоящее время в общине состоят множество бизнесменов, исследователей, преподавателей, студентов еврейской национальности.

Боделайновская университетская библиотека, которую основал человек, говоривший и писавший на иврите, хранит в своих стенах коллекцию старинных еврейских рукописей и книг, часть которых была написана в XV столетии. Старейший в мире музей Ашмолеан сберегает множество исторических древностей. Есть и другие достопримечательности, связанные с еврейской культурой. Это библиотека Кумранских рукописей, сионистский архив Кресселя и другие интересные места.

Сейчас еврейский Оксфорд имеет синагогу, клубы, собственную иудейскую школу хедер. Правда, чего греха таить, в своё время после изгнания евреев местное население сделало всё для выкорчевывания памяти об их существовании. Даже знаменитый Ботанический сад был разбит на месте еврейского кладбища.

Однако после возвращения евреи реализовали свой известный принцип „мера за меру”, взяв в качестве синагоги здание местной церкви. Не так давно это религиозное заведение было отреставрировано, надстроено несколько этажей, что значительно увеличило его площадь. В центральном зале с величественной парчовой отделкой, искусной резьбой по дереву, позолоченным Священным ковчегом с рукописным свитком Торы, сияют хрустальные люстры. На готическом здании, в котором размещается синагога, над входом красуются слова на иврите: „Это дом Вс-вышнего”. В праздничные дни её посещают до 600 человек.

Что касается антисемитизма, то в Оксфорде он не ощущается. В этом месте его основным носителям – арабам и исламистам – приходится сдерживать себя. Ведь здесь все должны вести себя по-джентльменски.

Анна БОК.

Орнитологом может стать каждый

У Сёмы был идеальный музыкальный слух, но он не стал, как все нормальные, очень музыкальные еврейские дети, играть на скрипке. Нет, конечно, его мама, Генриетта Соломоновна, повела мальчика в музыкальную школу. Через неделю преподаватель музыки сказал ей: „Уважаемая мама, я вам советую забрать вашего вундеркинда, скрипка, это не его. Вашему мальчику с таким носом нужно что-то такое, чтобы без смывка. Он постоянно задевает смывком за свой нос и этим сбивает ритм занятий“.

Но Сёмчик уже не мог жить без музыки, его распирал талант. И он таки выбрал музыкальный инструмент для себя. Кстати, тогда своим выбором он чуть не сделал своей маме инсульт. Сёма пошёл учиться играть на балалайке. Вы представляете нашего Сёму, интеллигентного еврейского мальчика с его, размером почти с балалайку, носом, в оркестре „Русская балалайка“? Вот и Генриетта Соломоновна не представляла.

И тут Сёма пошёл у мамы на поводу и выучил ещё одну, как мама сказала, неплохую и нужную профессию, где нос не так важен и его можно прикрыть маской. И опять же работа в комфортных условиях, не на улице. Так Сёма Зильберман стал врачом-гинекологом.

Мама ему первое время, когда он уходил на работу и не был ещё женат на этой Зине Петровне, торгующей мясом в их гастрономе, и которая, конечно же, как полагала Генриетта Соломоновна, не стоила и мизинца её мальчика (хотя Зинины котлеты из го-вадины, она ела всегда с удовольствием), говорила: „Сыночка, будь уже осторожней, ты вечно суешь свой нос куда не нужно“.

Вообще говоря, Сёма Зильберман, был человеком наищедрейшей души. Он готов был отдать хорошему человеку всё самое дорогое, что он имеет. Да хоть свою жену Зину, или, даже, может поделиться самой главной своей драгоценностью – умным советом. Но так случилось, что его Зину, теперь уже Зильберман, все в городе знали и не хотели, а советов, слава Б-гу, у евреев и своих куда было девать.

Но рассказ здесь не совсем о Сёме. Хотя, без него здесь не обошлось. Рассказ пойдёт о его знакомом, тоже враче.

Миша Роземблум работал в соседней с Сёмой области (человеческого тела). Миша был проктолог. К тому же, Миша и Сёма были близкими родственниками, поскольку Миша был племянником мужа троюродной сестры его бабушки.

Так случилось, что тот Миша Роземблум, был очень любознательным и образованным человеком, может поэтому-то он и выбрал именно этот раздел медицины. Так вот, Миша Роземблум вечно где-то участвовал. Он рассылал запросы во все мыслимые и не мыслимые викторины и конкурсы. И вот однажды его таки да, пригласили в телевизор на передачу „Выиграй миллион“, чтобы он там показал всей стране и президенту свою эрудицию.

И что вы себе думаете? Он таки пришёл и показал им всем и дошёл почти до финала. От миллиона его отделил всего один, последний вопрос, который звучал так: „Какая птица не вьёт гнездо?“. Было четыре варианта. 1) Соловей. 2) Воробей. 3) Ласточка. 4) Кукушка.

Миша Роземблум, как орнитолог, был никакой и поэтому он воспользовался вариантом „Телефонный звонок другу“.

Суббота. Шаббат. Ничего не подозревающий Сёма Зильберман сидел себе дома со своей женой Зиной и ел жареную куру. И тут раздаётся этот телефонный звонок. Сёма, чтобы не хватать трубку куриными руками, включил громкую связь. Телефон, голосом Миши Роземблума, ему говорит:

– Сёма, это я, Миша, догадайся с трёх раз, откуда я тебе звоню?

– А почём мне знать?

– Ну, подумай, где я мечтал сегодня побывать?

– В туалете?

– Сёма, не говори глупости, мы в эфире. Нас слышат миллионы телезрителей и, даже может, сам президент страны. Сёма, ты мне скажи, какая птица не вьёт гнездо?

И Миша перечислил птиц. Сёма сразу задаёт вопрос:

– Послушай, Миша, а что я буду иметь с этого гешефта?

В разговор вмешался ведущий:

– Господин Роземблум, пожалуйста, уже пусть ваш приятель ответит на вопрос, эфир стоит денег.

– Во-первых, Сёма мне не приятель, а родственник и коллега (и тут Миша стал рассказывать в красках ведущему, всей стране и может даже самому президенту, в какой области медицины они с Сёмой Зильберманом служат). Во-вторых, вы не знаете Сёму, он же должен поторговаться.

В общем, точку во всём этом разговоре поставила Зина Зильберман, жена Сёмы Зильбермана, сказав громко, на всю страну:

– Кукушка.

– Миша, ты слышал? Все знают, что с моей Зинаидой Петровной лучше не спорить.

Миша Роземблум, обращаясь к ведущему, повторил: „Кукушка“.

Ведущий: „И это правильный ответ! Поздравляю, миллион ваш!“.

Через неделю Миша Роземблум пригласил к себе семью Зильберман, чтобы отметить свой выигрыш и рассчитаться. Выпив по рюмке, Миша спрашивает Зиночку:

– Откуда ты, работник торговли, ни разу не орнитолог, знаешь

такие мелкие подробности, что кукушка не строит гнездо?

– Миша, может, ты и хороший проктолог, но ты настоящий шлимазл (это было единственное слово, которое Зиночка знала на идиш, и оно означало – неудачник), как ты можешь такого не знать? Зачем кукушке нужно строить гнездо, если она уже живёт в часах?

Эгрант.

О жизни, какая она есть

Жил-был Муравей. И он очень любил работать... Каждый день, с утра пораньше начинал работу весёлый и счастливый Муравей. Была у него хорошая производительность труда, и был он весёлым и счастливым.

Пролетал как-то мимо Шмель. Посмотрел на весёлого и счастливого Муравья и решил, что Муравей не может работать сам по себе, и поэтому Шмель создал фирму, а себя назначил генеральным директором. А счастливый Муравей продолжал работать.

Деятельность фирмы была успешной, но... Решил генеральный директор фирмы Шмель, что кто-то должен контролировать работу Муравья. Так была создана должность надсмотрщика и нанят Навозный Жука. А счастливый Муравей продолжал работать.

Главной заботой Навозного Жука была задача организовывать работу Муравья. И заставил он Муравья составлять отчёты о ежедневно проделанной работе. А счастливый Муравей работал и составлял ежедневные отчёты.

Вскоре понадобилась должность секретаря, который бы помог Навозному Жуку в чтении и регистрации отчётов Муравья. Поэтому наняли Паучиху, которая классифицировала документы и отвечала на телефонные звонки. А счастливый Муравей работал, работал...

Шмель был очень доволен отчётами Навозного Жука и запросил дополнительные отчёты, прогнозы и расчёты различных показателей. Возникла необходимость нанять Таракана в качестве ассистента Навозного Жука. А также купить компьютер и цветной принтер.

Вскоре производительный и счастливый Муравей начал жаловаться на отчёты, которые должен был предоставлять. И становился всё менее весёлым...

Генеральный директор Шмель понял, что необходимо принимать меры. В итоге на месте, где работал продуктивный и пока ещё весёлый Муравей, был создан Департамент. На должность руководителя Департамента был назначен Кузнечик. Он соорудил себе современный кабинет и оборудовал его соответствующим образом. Новому руководителю Департамента понадобился ассистент, который помогал бы ему в подготовке стратегических планов и составлении бюджета Департамента, в котором работал продуктивный и всё ещё весёлый Муравей.

Но Муравей уже не пел, как раньше, и становился всё более раздражительным...

Однажды генеральный директор Шмель, посмотрев на цифры, понял, что Департамент, где работает Муравей, уже не является таким же рентабельным как раньше. Подумав, Шмель решил нанять в качестве консультанта Сову, для проведения диагностики фирмы. Сова просидела три месяца в фирме и после изучения состояния дел выдала заключение: „В Департаменте слишком много персонала!“

Следуя совету консультанта, провели сокращение численности персонала. Муравей оказался первым в списке, так как в последнее время был всем недоволен...

От судьбы не уйдёшь!

Тонькины подружки давно повыскакивали замуж, и только она до сих пор сидела в девках. Не было у неё ни жениха, ни даже задулого ухажёра.

Тонька выключила свет, зажгла свечу и, усевшись за стол, начала осторожно перелистывать потрепанную книгу „Рождественские и святые гадания“.

Вариант с башмаком оказался ей самым простым и верным. Кидать свою обувь ночью через забор она опасалась, и потому в качестве гадального инвентаря решила использовать старые отцовские валенки, в которых он месил цемент.

Яшка Катапиллер имел замкнутый характер и, мягко говоря, невзрачную внешность, по этой причине женский пол не проявлял к нему ни малейшего интереса. Он не спеша шёл со смены вдоль оврага, торопиться ему было некуда – его ни кто не ждал. Поравнявшись с домом Антонины, он невольно остановился.

Тонька взяла в предбаннике окаменевший от цемента валенок, вышла во двор и со словами: „Укажи откуда придёт суженый“ швырнула его через двухметровый забор.

Яшка прикрыл глаза и представил милый образ сдобной, розовощекой красавицы Тони. Мощный удар сбил его с ног и погрузил во мрак. Яшка пришёл в себя лежа на дне оврага. В глазах искрило, а в голове возник только один вопрос: „Что это было?“.

Тонька нашла брошенный ею валенок и обомлела от увиденного – мыс валенка указывал туда, где за оврагом, через перелесок, широко раскинулась городская свалка. „Неужто бомж?!“.

Тонька опрометью бросилась домой и принялась судорожно листать книгу. Гадание по полону могло многое поведать о будущем муже. Она забежала в дровяной сарай, не глядя, схватила первое попавшееся полено и выскочила на двор.

Яшка карабкался по крутому заснеженному склону, несколько раз срывался, кубарем катился на дно оврага и снова лез наверх.

Тонька посмотрела на кривое, узловатое полено с облезлой ко-

Еврейская майса

рой, взвыла от досады и, что было сил, запустила его в темноту рождественской ночи.

Наконец-то Яшка выбрался из оврага. Он зачерпнул пригоршню снега и вытер им вспотевшее лицо. Удар чудовищной силы обрушился на его голову! Очнувшись, Яшка снова обнаружил себя лежащим на дне оврага. Перед глазами всё плыло, а на лбу образовался шишак величиной с яблоко. Сознание постепенно прояснилось, и панический ужас охватил всё существо Катапиллера: что-то мистическое, потустороннее загнало его в овраг и теперь удерживало неведомой силой.

Тонька не помнила, сколько времени прорыдала лёжа ничком на кровати. Наконец она встала, вытерла слёзы и со злостью захлопнула гадальную книгу.

Выбиваясь из сил, насквозь сырой от пота и мокрого снега, Яшка снова и снова взбирался по склону, скатывался вниз и снова полз. В конце концов, ему удалось ухватиться за росшие по кромке оврага кусты. Собрав последние силы, он подтянулся, увидел огни посёлка и...

Тонька уверенным шагом прошла через двор, открыла калитку и бумерангом запустила проклятую книгу в сторону оврага.

Вопль боли и отчаяния разорвал тишину ночи.

Очередной удар в лоб отправил Яшку обратно по уже проторенному маршруту.

Тонька вытащила Катапиллера из оврага, принесла домой и две недели ухаживала за ним, как за ребёнком.

А ещё через неделю они подали заявление в ЗАГС.

Олег ЛИТВИН.

***

- Рабинович, а можно вам задать вопрос?
- Интимный?
- Нет! Ну что вы! Наоборот. Вот вы же немножко шьёте?
- Почему „немножко“?..
- Ну, хорошо,.... множко.
- А можно о количестве не говорить, я просто шью.
- Слушайте, ну я же не налоговый инспектор. Мне для ин-тереса... Вот, сколько вы можете сшить в день штук брук?
- Вам бруки, чтобы носить или чтобы просто так... для штук?
- А шо есть разница?
- Здрасьте. Если просто так, для количества, то могу сшить штук пять, а если так, чтобы носить, то... ни одной.
- Не понял.
- В первый день клиент приходит и делает заказ, и я его меряю: и клиента, и заказ. Второй день – я декатирую ткань, сохну её и отпариваю. Третий день – я её крою и делаю основные швы. Четвёртый день – клиент приходит и меряет. Пятый день – я дошиваю бруки. Шестой день – клиент приходит и забирает заказ.
- Так шо это... за неделю одна штука брук? За месяц – четыре... 30 рублей на четыре...120. Это шото маловато.
- Ага! Значит, вы из налоговой. А вы шо думали, шо Рабинович миллионер или передовик производства? Одна пара брук за неделю. Мне хватает.
- Так пара или штука?
- Пара – это две штуки.
- Мммм... Бруки – это одна штука, а пара – это две штанины. Поэтому одна штука брук – это из пары штанин. Не ловите меня на словах. Рабинович уже лет 50 шьёт бруки. Я ваших налоговых инспекторов за версту чую.
- Чуете? Мы шо как-то пахнем?
- Нет, вы не пахнете. Просто вы носите мои бруки.
- Ваши? Вы ошибаетесь. Эти бруки я купил в магазине... не помню каком. А мне их достали по знакомству. Это чистая Франция.
- Ну да, ну да, конечно. Вот так всем и говорите... Франция. Карман выверните, вот видите на подкладке вышита буква „P“? Это шо означает? Правильно – „Франция“. Так, у вас ещё интимные вопросы есть? Нету! Досвидосик...

Марина ГАРНИК.

Уважаемые читатели!

Начинается подписка на газету „Инэйнем“ на 2023 год!

Если вы хотите, чтобы свежий номер газеты приносили вам домой, в ваш почтовый ящик, обращайтесь в редакцию газеты. Не откладывайте на потом. Приходите сейчас!

Проект „ТУРБОТА ПОКОЛИНЬ – ХЭСЭД ДОРОТ“ был создан и работает при поддержке „Джойнт“ (JDC) – ведущей еврейской международной гуманитарной организацией, которая более тридцати лет помогает нуждающимся евреям и развивает еврейскую жизнь в странах бывшего Советского Союза. Подробную информацию о JDC вы найдёте на сайте: www.JDC.org

Claims Conference ועידת התביעות
The Conference on Jewish Material Claims Against Germany

Социальные услуги для подопечных (жертв нацизма) Хэсэда предоставляются при поддержке гранта от „Конференции по материальным претензиям еврейского населения к правительству Германии“.

Газета „Вместе“. Учредитель – Черкасский областной благотворительный еврейский фонд „Турбота поколений – Хэсэд Дорот“.
Редактор М. Тайбишак. Компьютерная верстка – М. Тайбишак, П. Тайбишак.
Свидетельство о регистрации ЧС №294 от 24 ноября 2000 г.
Адрес редакции: 18015, Черкассы, ул. Б.Хмельницкого, 66.
☎ (0472)37-70-79, 54-41-48; 54-43-11.
e-mail: ineinem20@gmail.com <http://hesed-dorot.ck.ua>
Отпечатано в типографии г. Чернобай. Тираж 800 экз.
Подписной индекс 90781.
При перепечатке материалов ссылка на газету обязательна. Распространяется бесплатно.

Наши спонсоры: Еврейская Федерация Большой МетроВест Нью-Джерси и Международная общественная организация Центр „Джойнт“.

Просьба обращаться с этим изданием аккуратно – в нём приведены слова Торы.